

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.33>

Коробкова Светлана Николаевна, Плотникова Валентина Александровна

РЕФЛЕКСОЛОГИЯ PRO&CONTRA: ИДЕЯ "ПРОГЕНЕРАТИВА" В. М. БЕХТЕРЕВА И МНОГООЕДИНСТВО Л. П. КАРСАВИНА

В статье отмечается, что, несмотря на многочисленные влияния, в главном своем русле русская философия остается верна своим традициям. На примере анализа малоизвестных работ Л. П. Карсавина и В. М. Бехтерева демонстрируется, что воздействие позитивной философии с ее абсолютной ориентацией на науку не создает препятствий для поддержки религиозной нацеленности отечественной мысли, в частности в дискурсе философии всеединства. Высказывается мысль о том, что "третий путь" философии, критический реализм, позволяет продуктивно объединять различные мировоззренческие установки для достижения своей основной цели - обнаружения принципов связи духовного и материального уровней бытия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/12/33.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 12. С. 174-178. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 141.1

Дата поступления рукописи: 12.11.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.33>

В статье отмечается, что, несмотря на многочисленные влияния, в главном своем русле русская философия остается верна своим традициям. На примере анализа малоизвестных работ Л. П. Карсавина и В. М. Бехтерева демонстрируется, что воздействие позитивной философии с ее абсолютной ориентацией на науку не создает препятствий для поддержки религиозной нацеленности отечественной мысли, в частности в дискурсе философии всеединства. Высказывается мысль о том, что «третий путь» философии, критический реализм, позволяет продуктивно объединять различные мировоззренческие установки для достижения своей основной цели – обнаружения принципов связи духовного и материального уровней бытия.

Ключевые слова и фразы: всеединство; позитивизм; критический реализм; рефлексология; психика; прогенератив; энергия; бессмертие; многоединство.

Коробкова Светлана Николаевна, д. филос. н., доцент

Плотникова Валентина Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

korobkova@hf-guap.ru; valya.plotnikowa@yandex.ru

РЕФЛЕКСОЛОГИЯ PRO&CONTRA:

ИДЕЯ «ПРОГЕНЕРАТИВА» В. М. БЕХТЕРЕВА И МНОГОЕДИНСТВО Л. П. КАРСАВИНА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 19-011-00398 «Второй позитивизм в России: философская проблематика, влияние, критика».

Относительно истории русской философии есть ряд устоявшихся суждений. В частности, общим местом является признание религиозности русской философии и русского духовного Ренессанса вершинным периодом развития отечественной мысли [8]. С этой точки зрения естественнонаучная традиция второй половины XIX – первой половины XX в., представленная великими именами русских ученых И. М. Сеченова, И. И. Мечникова, Д. И. Менделеева, Н. А. Умова, А. А. Ухтомского, В. М. Бехтерева и др., оказывается «побочным» результатом «духовных исканий», не привязана к самим основам «отечественного любомудрия». Между тем направление, указанное Ньютоном, – научное, законосообразное изучение природы – в конечном своем устремлении, по факту, совпало с одним из основных дискурсов русского философствования – философией всеединства. Возьмем на себя смелость утверждать, что это стало возможным благодаря критическому переосмыслению опыта в широком смысле – практике, заложенной «первым позитивизмом» и непосредственно развиваемой «вторым позитивизмом». Некоторые современные исследователи отмечают, что благодаря рефлексивному отношению к идеям европейского позитивизма в отечественной мысли возникли оригинальные концепции [11, с. 5]. Справедливо обращают внимание на постановку проблемы соотношения субъекта и объекта, науки и философии, одинаково значимую для эмпириокритицизма и, например, интуитивизма [3, с. 69]. Вопрос об исследовании влияний позитивизма и систематизации возникших на его почве продуктивных идей в русской философской мысли представляется **актуальным**.

Мы склонны считать, и в этой позиции заключается **научная новизна**, что позитивистские настроения способствовали возникновению «третьего пути» в философии (как альтернатива материализму и идеализму), который оформился благодаря исследовательской деятельности русских ученых-естественников, – течения философского (критического) реализма. Универсально образованный русский ученый второй половины XIX в. М. М. Филиппов в своем научно-энциклопедическом словаре предлагал следующее определение: «...критический реализм согласен с идеализмом в том, что наши восприятия не дают понятия о вещах в себе, но тем не менее признает независимое от нас существование этих вещей» [10, стлб. 2849]. В фокусе критического реализма – вопрос, поставленный еще И. Кантом: о связи мира «чувственного и умопостигаемого», поиск принципа этой связи, реального основания связи. Немецкий философ писал: «...связь, составляющая сущностную форму мира, рассматривается как *принцип возможных влияний друг на друга субстанций* (курсив авторов статьи. – С. К., В. П.), составляющих мир. Ведь действительные влияния относятся не к сущности, а к состоянию, и сами переходящие силы, т.е. причины влияний, предполагают некий принцип, благодаря которому возможно, чтобы состояния многих субстанций, существование которых вообще независимо друг от друга, относились друг другу как следствия. Если отказаться от этого принципа, то нельзя предполагать и возможность переходящих сил в мире» [6, с. 282].

В рамках критического реализма можно говорить о возникновении нового концепта – философской концепции, суть которой состоит в понимании чувственно осязаемой природы (мира, космоса) как источника и результата психической деятельности человека и интерпретации взаимоперехода, взаимного отношения материального и идеального. Вопрос о том, как взаимораспределены такие феномены, как мозг, сознание, мысль, душа, дух, бытие, жизнь, остается открытым по настоящее время. **Цель** данной работы – показать на конкретном примере решение вопроса о связи физического и духовного уровней бытия с разных мировоззренческих позиций.

В обозначенном контексте необычайный интерес вызывает статья Л. П. Карсавина «По поводу рефлексологии и споров о ней», написанная в 1952 г., незадолго до смерти философа и традиционно игнорируемая философским сообществом как «выпадающая» из логического ряда основных работ мыслителя. Статья содержит критику в адрес учения И. П. Павлова и предлагаемых им методов исследования и изучения психики, сознания. Однако предварительно необходимо отметить, что объективная психология, «рефлексология» оформляется не в трудах Павлова, а в учении В. М. Бехтерева, в его концептуальной работе «Объективная психология». Учение находит научно-философское обоснование в статье «Бессмертие человеческой личности как научная проблема», впервые напечатанной в журнале «Вестник знания», представленной в качестве речи на торжественном заседании Психоневрологического института в 1916 году. Именно в обозначенной статье можно увидеть те теоретические положения, по поводу которых вступает в полемику Л. П. Карсавин.

В процессе сопоставления идей двух известных мыслителей предполагается решить следующие задачи: во-первых, проследить специфику научной и собственно философской аргументации, выявить реальные основания связи духовного и материального; во-вторых, оценить роль позитивизма, его активной сциентистской направленности в перспективном развитии русской философии.

Обращаясь к проблеме изучения сознания и человека, Карсавин настаивает на невозможности решения этого вопроса через применение «изолирующих» методов научного анализа, «искусственного» ограничения живого существа в его одномоментном контакте с окружающей средой как объекта познавательного процесса. Сведение психики к совокупности рефлексов, само понятие безусловного рефлекса, попытка психофизиологии локализовать, понять и определить сознание представляются им как изначально безнадежные, искажающие истинную картину «непространственно-невременного» существования души человека. «Но решение вопросов о том, что такое сознание и каково отношение сознания, “души”, к телу, психофизиологии за пределами» [8, с. 190]. Выстраивание адекватной теории сознания, его отношения к материальному субстрату, рассматривающей человека как многоединство живущих и умирающих, сменяющих друг друга моментов, находится, по мнению Карсавина, в сфере компетенции философов. Однако, отвлекаясь от критических замечаний в адрес рефлексологии как науки, изучающей психику, можно обратить внимание на достаточное количество идей, объединяющих теорию всеединства человека Л. П. Карсавина с концепцией «прогенератива» В. М. Бехтерева.

В «Бессмертии человеческой личности...» Бехтерева, как и в последней статье Л. П. Карсавина, можно видеть квинтэссенцию его философских воззрений. Идея о «вечности души» базируется на теории эволюционного монизма. Первооснову мира, его сущность Бехтерев сводит к явлению мировой энергии, производной которой являются как различные виды физических энергий, так и любые материальные, вещные объекты, и нервно-психическая деятельность любого уровня, или, используя философскую терминологию, всяческие проявления духа. Бехтерев пишет: «В окончательном выводе энергия должна быть признана единой сущностью во Вселенной» [1, с. 231]. Оставаясь непознаваемой человеческим разумом, мировая энергия является источником и первоосновой существующих и измеримых физических энергий, которые становятся ее проявлениями в конкретных кондициях, создаваемых внешней средой. Материя и любые формы движения, в том числе и электрические импульсы, распространяющиеся в нервной системе (материальная основа психики), также не представляют исключения в этом смысле, то есть являются производными единой мировой энергии.

При этом психика, или дух в целом, остается особым видом энергии, «заимствованной от предков в силу рождения», но также способной аккумулироваться в течение жизни человека путем получения опыта, взаимодействия с окружающим миром, другими людьми, в процессе воспитания. Принимая постулат об энергетической сущности нервно-психической деятельности, мы должны сделать вывод, что внешние ее проявления, такие, как речь, мимика, пантомимика, поведение, деятельность человека, оказывают воздействие на органы восприятия окружающих людей, вызывая у них ответную реакцию, в свою очередь, проявляющуюся в интрапсихической и интерпсихической сферах. «Нервно-психическая деятельность как выражение энергии, заимствуемой человеком по праву рождения от родителей и накапливаемой им в течение жизни, благодаря превращению в нервный ток внешних энергий, действующих на воспринимающие органы» [Там же, с. 236]. Следовательно, межперсональные контакты создают канал для выражения психической энергии вовне, формируют условия для передачи ее не только от человека к человеку непосредственно, но и во времени, от одного поколения к другому, «а это и гарантирует социальную преемственность фактов и событий в исторической жизни народов» [Там же, с. 235].

Таким образом, речь идет не о бессмертии индивидуально «замкнутой», как в религиозной трактовке, души человека, а о так называемом «социальном бессмертии». В результате телесной смерти «духовная» личность человека, производное его нервно-психической деятельности, в свою очередь, производное мировой энергии, не исчезает, а остается «в разлитом» состоянии существовать как результат воздействия на личности других людей каким-либо, прямым или косвенным, образом. Формируется, по словам Бехтерева, «одна общая личность среды», из них духовная личность народа, из них – общечеловеческая личность, что и является «бехтеревским» вариантом бессмертия. Вечна не целостная, повторяющая прижизненную свою форму душа, а скорее вечно то, что делает человек, что свидетельствует о проявлении души, его нематериальный вклад человека, сколь угодно малый, в формирование общечеловеческой духовной культуры. Энергетическая связность мира, утверждаемая ученым-психологом, оказалась весьма плодотворной идеей для последующего развития русской философской мысли. И современные отечественные исследователи активно обращаются к этой теме, предлагая, в частности, рассматривать культуру как особую энергетическую среду создания и совершенствования человека [9].

В концепции Бехтерева следует этический вывод о естественности процесса как физического, так и нравственного совершенствования живых существ. «Ответственность за свои поступки и действия является совершенно естественной, если каждый поступок, каждый шаг, каждое слово, каждый жест, каждое мимическое движение и даже каждый произнесенный человеком звук, не остаются бесследными, а так или иначе отражаются в других, претворяясь здесь в новые формы воздействия на внешний мир и передаваясь путем социальной преемственности будущим поколениям человечества» [1, с. 249]. Высшим уровнем проявления такой ответственности становится полное посвящение своей жизни альтруистическим целям бескорыстного служения интересам человечества, приближающим человека к моральному идеалу – Богу, а совершенное в нравственном отношении человеческое существо, «прогенератив», реализует идею о царстве любви и добра на земле.

Л. П. Карсавин в своей концепции всеединства высказывает сходную с В. М. Бехтеревым мысль о преодолении межиндивидуальных барьеров «непространственного» рассмотрения души. Человек в его представлении, так же, как и у Бехтерева, не существует отдельно от людей, «люди о нем знают и людям он нужен», одновременно оставаясь реальным и индивидуальным. «Человек – конкретное, все временное и – пространственное многоединство (всеединство) индивидуумов, которое осуществляет, актуализирует себя только в них и вне их...» [8, с. 186]. «Философски несомненно, что индивидуальное “я”, всегда оставаясь собою, сливается с другими индивидуальными “я”, во всеедином “я” человека вообще» [Там же, с. 188]. То, что у Карсавина является теоретическим, идеалистическим рассмотрением общности человеческого «я» как одним из проявлений всеединства его «моментов», у Бехтерева обретает реально-материальную почву, научно обоснованное выражение, базирующееся на идеях энергетизма и эволюционизма. Идея о преодолении границ человеческой индивидуальности в пространстве и времени обретает два ракурса рассмотрения: с философской, логико-теоретической точки зрения Карсавина и с энергетически-эволюционной, научной – Бехтерева. «Если человеческая личность бессмертна и остается жить в будущем как частица духовной общечеловеческой культуры, то она же живет и в прошедшем, ибо она есть прямой продукт пошедшего, продукт всего того, что она восприняла из прошлой общечеловеческой культуры путем преемственности и унаследования» [1, с. 244]. Человеческая личность – такое же «всевременное» явление у Бехтерева, как и у Карсавина. «В совершенстве нашего бытия многоединный человек весь становится своим моментом, чтобы через его смерть весь стать вторым, потом так же – третьим, четвертым... всеми, и всевременно всегда есть каждый свой момент, все они и один человек» [8, с. 186]. «Расплывчатым определениям душевно-телесного существа (животного, человека) мы противопоставляем понимание его как многоединства, в коем всякий момент через свою жизнь-смерть становится им (и, стало быть, есть оно), а через него и всеми другими его моментами (во всевременности всегда и есть они)» [Там же, с. 197-198].

Единение душевного и телесного, невозможность и ненужность разделения двух сфер бытия человека также представляется общим в концепциях Бехтерева и Карсавина, хотя решается оно мыслителями по-разному. Для Бехтерева вопрос о преодолении противопоставления психики – телесным процессам (души – телу, а духа – материи) решается через саму суть эволюционного монизма. Каждая из частей дихотомии может быть сведена путем ретроспективы ее развития к общей первооснове, является производной общей мировой энергии. Устраняется, таким образом, необходимость разделять дух, вещество и физическую энергию, которые ранее выступали как отдельные, противоположные категории, несводимые к единому началу. «Мы должны в этом отношении держаться взгляда о единой основе всего сущего в виде мировой энергии, служащей началом и всего материального, и всего духовного во вселенной» [1, с. 232]. Кроме того, в своем настоящем проявлении психические (духовные) и телесные процессы, протекающие одновременно, одинаково являются результатом существования и функционирования «скрытой» психической энергии.

Решение данной проблемы в философской системе Карсавина начинается через преодоление индивидуального пространства души, ограниченности ее рамками индивидуума. Способность сознания познавать, включая в себя как субъект, так и объект познания, означает одновременное «двуединство» с познаваемым. Вместе с тем сознание не имеет и не может иметь определенного телесного субстрата. «Образ сознания как плавающего в корковом слое и принимающего самые причудливые формы светлого пузыря явно неудовлетворителен» [8, с. 199]. Но целостность человека во всех его моментах сохраняется, скрепляется единством, «не оплотняемым в нервных центрах и не овеществляемым в физическом теле» [Там же]. «Отделимой от своего тела, от себя-тела, не выражающей себя во множестве, не многоединой, и непространственной-невременной “души” нет и быть не может» [Там же, с. 188].

Другой общей идеей является выделение вектора развития человечества и всего мира в целом, особенно оптимистично представленной у Бехтерева. Феномен «социального бессмертия» подразумевает, что любое человеческое достижение, независимо от его значимости для окружающих, сохраняется, «записывается» и формирует «общечеловеческую личность», общую картину человечества. «Можно сказать, что ни один вздох и ни одна улыбка не пропадают в мире бесследно» [1, с. 235]. Подобное утверждение предопределяет императив нравственного совершенствования личности, стремление не просто к развитию, а к идеалам добра и любви, являющимся естественными основами самого феномена жизни. «С совершенствованием человеческой личности связан и тот божественный принцип, который обеспечивает существование добра на земле, проникающего жизнь в различных ее проявлениях и являющегося в высших своих формах венцом мирового прогресса» [Там же, с. 252]. На созидание человека более высокого морального уровня, называемого Бехтеревым «прогенеративом», должны направляться все усилия как человечества в целом, так и отдельных его представителей, то есть каждого

из нас. Содержание и сущность данных усилий, прежде всего, сводятся к постоянному и непрерывному совершенствованию своей собственной личности согласно интересам общечеловеческого коллектива, а также к качественному улучшению существующих социальных форм человеческой жизни. При этом сама возможность существования жизни Бехтерев, как и представители русского космизма, выводит за границы нашей планеты. При соответствующих условиях она возникает в других точках вселенной, продолжая путь совершенствования согласно универсальным законам естественного, социального и морального отбора.

Мир у Л. П. Карсавина обладает той же динамикой, имеет то же единственное направление развития, которое одновременно является и целью его. Отражение и познание совершенствующегося мира в процессе взаимодействия с животным, растительным и вещным «моментами» есть «самоактуализация» человечества, являющегося на данный период времени апогеем, высшей точкой развития вселенной. «Мир развивается, выражаясь точнее – стремится к своему совершенству, хотя опознать это может только в качестве человечества. Иными словами, мир при всем своем несовершенстве целесообразен (его совершенство и есть его цель), так как каждый момент, каждая индивидуация его мира является средством самостановления-самоусовершенствования самого мира» [8, с. 191]. Развитие совершается через «умирающую жизнь», смену одного «момента» другим у Карсавина; через телесную смерть одного человека происходит усовершенствование всей «духовной общечеловеческой культуры», а через нее и других «моментов» у Бехтерева. «Всякий момент умирает, чтобы умирая жили другие, и таким образом чрез умирающую жизнь (иной нет и быть не может) все становится всем и во всем» [Там же].

Таким образом, философские взгляды Л. П. Карсавина и В. М. Бехтерева в достаточной мере сближены. Однако в этом и заключается проблема, на которую направлено внимание первого. Критика учения Павлова (и рефлексологии Бехтерева) заключается именно в расхождении, по мнению Карсавина, философского взгляда физиологов на человека и методов его изучения. Бехтерев, подразделяя психологию на объективную и субъективную, задачей первой, собственно рефлексологии, называл изучение нервно-психической деятельности как совокупности высших или сочетательных рефлексов, предоставляя второй изучение «проявлений субъективного характера этих рефлексов путем самонаблюдения» [1, с. 229]. В то же время духовная сторона личности и все связанные с ней внешние проявления могут быть сведены путем эволюционного анализа, «беспредельного дробления», к бессознательным процессам, связанным с затрачиваемой энергией. И духовное, и материальное являются производными мировой энергии, содержатся в ней в потенциальном виде и в виде общемировой энергии непознаваемы в связи с ограниченностью человеческого разума.

«Животно-телесное бытие является и вещным, материальным, а в сфере материального, пространственно-разъединенного, точно определимого-распределимого бытия необходим и соответствующий его природе изолирующий метод его исследования» [Там же, с. 193]. «Изолирующий» метод, метод изучения отдельно взятых рефлексов, реакций, требуемое экспериментом помещение подопытного существа в лабораторную среду – все это «разрывает» целостность его существования, искажая получаемое представление о человеке, равно как и о другом живом организме. «Этим словно обрываются нити, связывающие индивидуума с другими и чрез них с самим многоединным человеком, что выражается утратой понимания человека как “средства” и момента мирового процесса» [Там же, с. 192]. Организм человека в любом проявлении своей жизнедеятельности представлен всегда как «активное, целесообразно действующее, душевно-телесное существо», даже если речь идет об условных или безусловных рефлексах. «Ничто не препятствует рефлексу быть “реакцию” всего организма, хотя и связан он только с низшим нервным центром» [Там же, с. 195]. Любая реакция осуществляется при участии познающего себя сознания, способного изменить, затормозить или перенаправить действие рефлекса. Расчленение деятельности на отдельные эпизоды, вне контекста окружающей среды, что и является методом объективной психологии, бесполезно для решения вопросов о сути сознания, его соотношении с телом. Решение данных вопросов находится в сфере компетенции философии, а не психофизиологии. Областью рефлексологии называется узкая сфера изучения взаимодействия «телесно-вещного бытия с телом познающего», получение представлений о протекании телесных процессов при взаимодействии живого существа с окружающей его средой. Фактически, на вопрос, заданный в свое время И. М. Сеченовым, – кому и как изучать психологию, – Л. П. Карсавин дает противоположный ответ: не физиологам, а философам. «Решение здесь невозможно без философии, которой, как и всякой науке, надо серьезно учиться, путем длительных упражнений приучая себя философски мыслить» [Там же, с. 190].

Основная ошибка физиологов, согласно Карсавину, заключается в отбрасывании собственных представлений о целостности человека. В случае Бехтерева – игнорировании собственных утверждений о временной протяженности личности, ее неограниченности рамками телесного существования человека. В противопоставлении человека как момента, индивидуации многоединного человека, человеку как элементу, обособленно взятому в одном, изолированном периоде жизни, объективной психологией изучается последнее. Не принимается в расчет фактор целостности человека, его связи с другими его моментами во времени, в динамическом аспекте бытия. Если личность существует в прошлом, настоящем и будущем, то и изучаться должна методами, позволяющими охватить все временные периоды, «моменты», создающие ее целостность.

Тут вспоминаются слова другого ученого-мыслителя – А. А. Ухтомского, который, развивая физиологические идеи И. П. Павлова, пришел к выводу, что вся история человечества представляет собой попытки осуществить Бога [12]. Стоит ли яростно бороться за «правильный» способ постижения Бытия человека, если все пути русской философии ведут к богу? Действительно, в модальном плане нет сущностного различия

между итоговым заключением Карсавина о том, что «всякое действие... – теофания, явление Бога в создании и действии» [7, с. 36], и Бехтерева о том, что «открытая нами Вечная Энергия есть свободное произволение Вечного разума Бога» [2, д. 346, л. 2].

Заключение. Разнообразие методов исследования и толкования существенных вопросов «отечественного любомудрия» только обогащает русскую философию, а единая цель – подтверждает самобытную истинность пути. Полемика Карсавина и Бехтерева соответственно с религиозных и научных позиций демонстрирует возможность и необходимость «снять» противопоставление науки и философии в вопросе правообладания истинным методом познания. Как отмечал известный эмпирик В. Вундт, вера и знание не только могут ладить друг с другом, но даже дополняют друг друга [4, с. 2].

Проблема отношения физического к психическому, «вброшенная» вторым позитивизмом в контекст исторического развития русской мысли, послужила резонатором и обеспечила как достижения в области конкретных наук – формирование рефлексологии, субъективной психологии, патопсихологии, – так и появление новых философских теорий, концепций (концептов) – философский реализм, монистический энергетизм, социальное бессмертие, индивидуация многоединого.

Сравнительный анализ теории всеединства (многоединства) Карсавина и концепции объективного единства психического (прогенератива) Бехтерева убеждает в возможности преодоления дискуссионной позитивистской установки «о границах познания» – пределы человеческого мышления бытия шире границ положительной науки о бытии.

Таким образом, перспективный вектор развития русской философии – разработка методологии исследования принципов связи различных уровней бытия.

Список источников

1. **Бехтерев В. М.** Бессмертие человеческой личности как научная проблема // Бехтерев В. М. Психика и жизнь. СПб.: Алетейя, 1999. С. 225-252.
2. **Бехтерев В. М.** Вопросы умственного и нравственного воспитания // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 2265. Оп. 1.
3. **Бурова М. Л.** Философия всеединства и второй позитивизм // Философия и культура информационного общества: Седьмая международная научно-практическая конференция: тезисы докладов: в 2-х ч. СПб.: ГУАП, 2019. Ч. 2. С. 68-71.
4. **Вундт В.** Суеверие в науке // Научное обозрение. 1896. № 1. С. 2-8.
5. **Замалеев А. Ф.** Лекции по истории русской философии. СПб.: СПбГУ, 1995. 338 с.
6. **Кант И.** О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира // Кант И. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Чоро, 1994. Т. 2. С. 277-320.
7. **Карсавин Л. П.** Мистика и ее значение в религиозности Средневековья // Карсавин Л. П. Малые сочинения. СПб.: Алетейя, 1994. С. 9-23.
8. **Карсавин Л. П.** Учение академика И. П. Павлова. По поводу рефлексологии и споров о ней // Архив Л. П. Карсавина. Вильнюс, 2002. Выпуск I. Семейная корреспонденция. Неопубликованные труды. С. 186-199.
9. **Кравченко В. В.** Симфония человеческой культуры. М.: Аграф, 2017. 384 с.
10. **Научно-энциклопедический словарь:** в 3-х т. / под ред. М. М. Филиппова. СПб., 1901. Т. 3. Вып. 18. Реализм, реалист, реальный. 2689-4208 стлб.
11. **Рыбас А. Е.** Позитивная философия в России конца XIX – первой трети XX в. Mauritius: LAP, 2017. 324 с.
12. **Ухтомский А. А.** Интуиция совести. СПб.: Петербургский писатель, 1996. 528 с.

REFLEXOLOGY PRO&CONTRA:

V. M. BEKHTEREV'S "PRO-GENERATIVE" AND L. P. KARSAVIN'S PAN-UNITY

Korobkova Svetlana Nikolaevna, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Plotnikova Valentina Aleksandrovna

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation
korobkova@hf-guap.ru; valya.plotnikova@yandex.ru

The authors point out that, in spite of numerous influences, the Russian philosophy remains faithful to its traditions. Analysing unknown works of L. P. Karsavin and V. M. Bekhterev, the paper shows that influence of positive philosophy tending to absolutize science does not reduce religious orientation of domestic thought, in particular, within philosophical discourse of pan-unity. The authors suggest a thesis that “the third path” of philosophy, critical realism, allows efficient integration of different ideological conceptions to achieve its basic purpose – to reveal interrelations of spiritual and material levels of existence.

Key words and phrases: pan-unity; positivism; critical realism; reflexology; psyche; pro-generative; energy; immortality; pan-unity.